

Иначе говоря, в сфере политики первичным являлось главенство имперского начала и в духовных делах, а не вопрос о пагубной магометанской вере «басурман». Для блага «нашего престола» Екатерина могла учитывать многоконфессиональность «вверенного» ей государства, провозглашать религиозную терпимость, использовать во время высочайшего посещения Казани специально выученные фразы на арабском и татарском языках, предоставить российским мусульманам право беспрепятственно возводить мечети²⁴ и т. п.

Таким образом, религиозно-православная стилистика официальных посланий Петербурга европейским дворам и метафоры торжественных од, в которых «славный росс» «темиров попирает ногою» («Ода на взятие Измаила»), не были приложимы ни к реалиям политики, ни к спонтанно возникающим ассоциациям в практике повседневной жизни. Хемницер и Львов не касаются в переписке темы провидения, приведшего русских на берега Босфора. Зато адресат генерального консула требует уже в первый день вступления его на турецкую землю «послать сведения о здешнем месте, торговле и проч.» (76). Подробные «отчеты» Хемницера другу, а также «Журнал поездки в Смирну» отразили специфику восприятия человеком екатерининского царствования Порты и Восточного Средиземноморья.

Из Буюк-Дере, где Хемницер, дожидаясь яхты в Смирну, проживал в доме российского министра, как-то поздним вечером он отправляется в Константинополь на лодке, чтобы видеть столицу Турции во время мусульманского праздника рамазан. Его сопровождают итальянский ювелир Виченчи, свободно овладевший языком за 18 лет проживания в Порте, и секретарь российского посольства Иван Иванович Северин, с которым Хемницер уже успел сдружиться. Еще на подъезде к городу они увидели яркие огни, отражающиеся в воде канала. По случаю рамазана Константинополь был освещен расставленными по периметру мечетей многочисленными плашками с горящим маслом. Однако для петербургского жителя, привыкшего к ослепительным фейерверкам и салютам, эта иллюминация выглядела бледновато, хотя «вид» и был «изрядный». Спустившись на берег ночного города, Хемницер отправился в кафе, «чтоб странствуя попросту, без затей, ничего не пропустить». Все кофейни были забиты людьми, которым по мусульманскому обычаю в рамазан не разрешается пить и есть от восхода до заката. «Подали нам трубки и по чашке кофею», традиционно без молока и сахара. Остаток ночи они с Севериным провели в доме у ювелира, а с утра отправились бродить по городу (53—54).

---

²⁴ См. об этом, например: письма Екатерины Вольтеру в: Сборник русского исторического общества. 1872. Т. 10. С. 347, 353; 1874. Т. 13. С. 60, 146, 263, и др.